
Г.В. Жомини и подготовка реорганизации военного образования в России в конце 1820-х гг.

Полина Шевченко

Henri Jomini and reorganization of military education in Russia in the late 1820s

Polina Shevchenko

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Резкий скачок численности армий всех великих держав Европы в эпоху наполеоновских войн не только потребовал подготовки большего числа офицеров, но и заставил качественно изменить уровень их обучения. Всё сильнее ощущалась необходимость специализации по родам и отраслям военного дела. В середине 1820-х гг. в России насчитывалось 16 военно-учебных заведений. Более половины из них располагались в столицах (Пажеский корпус, Главное инженерное и Артиллерийское училища, Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, 1-й и 2-й Петербургские, 1-й Московский кадетские корпуса, Дворянский полк, Императорский военно-сиротский дом и Морской корпус). Кроме того действовали Финляндский (в Фридрихсгаме) и Калишский кадетские корпуса, а также военные училища в Туле, Тамбове, Омске и Оренбурге. К 1825 г. все вместе они выпускали ежегодно всего 415 офицеров¹. Основанные в разное время и с различными целями, формально все они подчинялись главному директору Пажеского и кадетских корпусов, имевшему довольно ограниченные полномочия, а через него – вел. кн. Константину Павловичу, который носил звание главного начальника военно-учебных заведений, но практически не вмешивался в их жизнь (находясь в Варшаве, он занимался преимущественно польскими делами)². Фактически порядок функционирования каждого отдельного корпуса определялся непосредственно его директором.

Создание полноценной единой системы военного образования началось, по сути, только в конце 1820-х гг. Проведённая тогда Николаем I реформа освещена в историографии довольно скупо, как и влияние на неё рекомендаций известного военного теоретика и историка барона Анри Антуана (на русской службе – Генриха Вениаминовича) Жомини (1779–1869). Исследователи не раз кратко характеризовали его предложе-

© 2017 г. П.В. Шевченко

¹ Краткий отчёт о положении и ходе военно-учебных заведений в 25-летие царствования государя императора. СПб., 1850. С. 18. Между тем только в гимназиях количество учащихся в 1808–1837 гг. возросло с 2 838 до 16 506 человек (*Князьков С.А., Сербов Н.И.* Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910. С. 189, 221).

² *Петров П.В.* Главное управление военно-учебных заведений // Столетие военного министерства. Т. 10. Ч. 1. СПб., 1902. С. 120.

ния³, однако внутренняя логика и эволюция выдвинутых им идей, поддержанных затем императором, до сих пор не рассматривались сколько-нибудь подробно⁴. Между тем их необходимо учитывать при анализе последующего развития военного образования в России.

В мае 1826 г. Николай I учредил под председательством К.И. Оппермана Комитет о военно-учебных заведениях, поручив ему пересмотреть порядок их деятельности в России. Карл Иванович Опперман (1766—1831) был хорошо известен императору. Родившись в Гессен-Дармштадте и окончив математический факультет Гессенского университета, он в 1783 г. поступил в русский Инженерный корпус, в 1805—1814 гг. участвовал в военных действиях против французов. С 1809 г. Опперман являлся инспектором Инженерного корпуса, а в 1814 г. по предложению вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны принял на себя общее руководство военным образованием вел. кн. Николая Павловича. Когда в 1818 г. великий князь вступил в должность генерал-инспектора по инженерной части, Карл Иванович стал одним из ближайших его сотрудников, в том числе активно участвовал в реорганизации Главного Инженерного училища и создании Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, которую впоследствии и возглавил. В 1823 г. Опперман был произведён в инженер-генералы. Впрочем, его влияние на будущего императора едва ли можно назвать безусловным. Вел. кн. Николай Павлович «ставил на вид» ему, «яко директору Инженерного департамента», разные непорядки, а однажды даже оштрафовал своего наставника на 958 руб. за подготовленный тем проект оборонительной казармы, которая обрушилась в Бобруйске при постройке (сам великий князь, утвердивший «неосновательный» план, уплатил при этом 584 руб.)⁵.

Помимо Оппермана в Комитет о военно-учебных заведениях вошли директора петербургских военно-учебных заведений и генерал-адъютант Жомини, имевший богатый опыт службы на адъютантских, штабных и административных должностях сначала во французской, а с 1813 г. и в русской армиях. К этому времени он уже считался признанным в Европе знатоком войн Фридриха II, Конвента, Директории и Наполеона и с разрешения начальства жил в Париже, где занимался в основном научной работой. В мае 1826 г. его официально вызвали в Петербург для участия в заседаниях Комитета⁶. Напрасно пытаясь уклониться от данного назначения, Жомини ссылался на незнание русского языка и писал, что едва ли сможет принести пользу в этом деле. Потом Жомини втянулся в работу, составляя свои предложения на французском языке и сопровождая их русским переводом, заверенным своей подписью⁷.

Официально комитету поручалось рассмотреть преподававшиеся в военно-учебных заведениях курсы, систематизировать изучаемые предметы,

³ См., например: *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 2; *Глиноецкий Н.П.* История русского Генерального штаба. Т. 2. СПб., 1894. С. 15; *Петров П.В.* Указ соч. Т. 10. Ч. 2. СПб., 1902. С. 3; *Аурова Н.Н.* Система военного образования в России: кадетские корпуса во второй половине XVIII — первой половине XIX века. М., 2003. С. 34.

⁴ Полнее всего они отражены в письмах Г.В. Жомини к К.И. Опперману и сопутствующих документах (РГВИА, ф. 326, оп. 1, д. 1, л. 87—96 об.).

⁵ Военная энциклопедия. Т. 17. Пг., 1914. С. 137.

⁶ Энциклопедия военных и морских наук / Под ред. Г.А. Леера. Т. 3. СПб., 1888. С. 195.

⁷ РГВИА, ф. 326, оп. 1, д. 1, л. 90 об.; *Петров П.В.* Указ. соч. Т. 10. Ч. 2. С. 3.

исправить программы и составить учебный план⁸. К началу июля 1826 г. его члены проработали около месяца — не торопясь, они просматривали поступавшие материалы, налаживали делопроизводство, обменивались опытом. Большинство их, начиная с председателя, были обременены не только этими занятиями, но и другими многочисленными служебными обязанностями. Жомини, напротив, сразу же сосредоточился на разработке общей концепции устройства военного образования в России, не стесняя себя узкими рамками поставленных перед Комитетом задач. Даже не имея возможности из-за болезни глаз участвовать в очередном заседании, 4 июля он сообщал Опперману: «Я готовлюсь представить Вам мои мысли о программе, которая годилась бы для разных корпусов, и сделал его (так в тексте. — *П.Ш.*) письменно для того, чтобы о ней можно было судить и Вам, и комитету». При этом генерал не скрывал, что «сей способ кажется мне более приличным, нежели споры»⁹. Желая разобраться, «какое дать направление моему труду для того, чтоб он отвечал ожиданиям», Жомини просил председателя разъяснить, «должен ли комитет заниматься работой совершенно новой, при которой в основание образованию юношества полагаются начала отличные от принятых доньше; или... должно просто распространить или сократить ныне существующие сего рода заведения»¹⁰.

Опперман, явно задетый ироничным тоном письма, отвечал незамедлительно, но нарочито официально и сухо. «Почитаю себя в обязанности сказать Вам, милостивый государь, что, имевши честь изъяснить Вам суждения комитета... я должен был предполагать, что Вам известен одобренный комитетом порядок в ходе занятий его, равно как и то, что комитет хочет и должен предварительно узнать с точностью нынешнее устройство каждого учебного заведения. По сим причинам я не мог ожидать, чтоб суждения комитета, необходимо нужные для составления обдуманного, основательного заключения, были названы от Вашего превосходительства спорами». Неудивительно, что какие-либо дополнительные разъяснения председатель счёл излишними: «Касательно двух сделанных мне Вашим превосходительством в том же письме вопросов, имею честь снова изъяснить, что комитет будет руководствоваться Высочайшею государя императора волею, объявленной мне в отношении господина начальника Главного штаба его величества, сообщённом и Вашему превосходительству»¹¹.

Получив такой ответ, Жомини, очевидно, решил не обострять отношения и сформулировать свои идеи в примирительных выражениях. В тот же день он направил Опперману ещё два письма. В первом из них предполагаемая организация военного образования в России очерчивалась в общих чертах (в нём Жомини «не почёл за нужное входить в подробности распределения занятий», полагая, что «начальники заведений имеют более меня опытности относительно практического преподавания, а посему это исключительно к ним и относится»¹²), а во втором — конкретизировались высказанные ранее соображения¹³. «Я зримо рассуждал о действиях, кои мы до сих пор производили; — писал

⁸ РГВИА, ф. 326, оп. 1, д. 1, л. 1—1 об.

⁹ Там же, л. 36. «Мне очень прискорбно, — с сожалением отмечал он в тот же день, — что сильная глазная боль препятствует моим занятиям, когда они всего нужнее» (Там же, л. 97).

¹⁰ Там же, л. 36—36 об.

¹¹ Там же, л. 37.

¹² Там же, л. 90—90 об.

¹³ Там же, л. 87—90 об., 94—97 об.

теперь Жомини, — без сомнения начальный наш труд был полезен, необходим даже для приведения в известность того, что существовало. Но мне кажется, что вместо того, чтобы основывать наш будущий труд на недостаточном порядке вещей, короче и проще определить сперва те науки, кои будут преподаваемы в различных заведениях, и те, кои исключаются из прежних программ. Можно потом распределить сии науки по разным классам и, наконец, составить краткую программу предметов, кои войдут в каждый курс»¹⁴. «Известно, — утверждал Генрих Вениаминович, — что хорошая система преподавания должна состоять из 4-х различных степеней: преподавание начальное; преподавание высшее; преподавание высших наук точных; применение сих наук к различным родам службы. Я полагаю, что сии различные степени преподавания не должны заключаться в одном заведении, и что гораздо лучше иметь: а) для первых двух степеней: кадетские, Военно-сиротский и Пажеский корпуса, лицеи, приготовительные училища инженеров и артиллеристов; б) для преподавания высших наук точных: центральное училище наподобие политехнического во Франции»¹⁵.

Видимо, именно создание «центрального училища» более всего занимало Жомини. По его словам, *«труднейшая часть воспитания суть высшие науки точные. Это часть, для коей найдётся менее всего хороших профессоров и хороших учеников. Основываюсь на сем неопровергаемо... что трудно образовывать по сей части во всех заведениях с равным тщанием и что центральное политехническое училище было бы полезнее и нужнее в России, чем где-нибудь* (здесь и далее курсивом выделены слова, подчеркнутые в тексте Жомини. — П.Ш.). В нём бы образовывались воспитанники в то же время и для разных родов службы государственной и национальные профессеры для заведений, находящихся внутри империи. Это было бы в то же самое время и нормальным, и политехническим училищем»¹⁶. Тем самым по сути предлагалось воспользоваться опытом Франции, где Политехническая школа давала высшее инженерно-техническое образование во всех областях науки и техники, а Высшая нормальная школа готовила педагогические кадры для начальных и средних учебных заведений.

В «центральном политехническом училище» преподавались бы «высшая математика; прикладная математика: механика, статика, гидравлика, динамика; физика и химия; минералогия; астрономия; архитектура и археология; искусство снимать местоположение и составлять географические карты»¹⁷. Понимая, насколько непросто будет найти достаточно подготовленных учеников, Жомини рекомендовал: «Дабы собрать 500 воспитанников, кои предполагаются необходимыми для курса высших наук математических, заставить спешествовать сему все институты или лицеи империи и даже частные заведения, воспитанники коих могли бы выдержать требуемый экзамен»¹⁸. Однако основной контингент учащихся должны были всё же обеспечить военно-учебные заведения низших степеней. При этом Жомини оставлял открытым вопрос: «Должны ли теперешние училища Инженерное, Артиллерийское и Морское образовывать школы применения, в кои бы поступали воспитанники уже совершенно образованные, или продолжать спешествовать начальному обучению,

¹⁴ Там же, л. 87.

¹⁵ Там же, л. 87 об.—88.

¹⁶ Там же, л. 88.

¹⁷ Там же, л. 94.

¹⁸ Там же, л. 94 об.

разделяя воспитанников на два различные отделения, одно для приготовления их в политехническую школу, другое дабы при выпуске из оной принимать их офицерами и обучать для специального применения их рода службы? Между тем стоявший несколько особняком «Пажеский корпус, долженствующий доставлять камер-пажей и офицеров гвардии и армии, будет более рассматриваем как отдельное, нежели начальное училище. По сему и ученики, показывающие способность к математике, не будут посылаемы в политехническую школу или в корпуса Инженерный, Артиллерийский, с тем, однако, чтобы они имели способ переходить в оные по требованию их родителей и по предварительному экзамену»¹⁹. Указывая на способности к математике как на условие для перевода на высшую степень обучения, Жомини, видимо, учитывал не только объективные нужды военной службы, но и склонности императора, которому были более близки технические дисциплины.

Предвидя возражения членов Комитета против создания «центрального училища», Жомини заявлял, что будет «настаивать об испрошении Высочайшего соизволения на учреждение сего заведения» и докажет «выгоды оно-го в особенной записке, если сие почтут необходимым»²⁰. Но даже *«в случае, когда бы его императорское величество не соизволил найти сообразным учреждение политехнической школы, то от сего бы не изменилось предположение, чтобы кадетские и Военно-сиротский корпуса были первоначальными училищами, равно как чтобы оказавшие успехи в математике были переводимы в училища Инженерное, Артиллерийское и Морское, для усовершенствования в оной»*²¹.

Внутренняя организация всех военно-учебных заведений, по мнению Генриха Вениаминовича, должна была соответствовать той, которая существовала в Главном инженерном и Артиллерийском училищах, созданных в 1819–1820 гг. по плану вел. кн. Николая Павловича. Жомини, разумеется, об этом знал, хотя едва ли имел возможность близко познакомиться с их порядками. Тем не менее он утверждал, что «так как внутреннее устройство училищ... не оставляет более ничего желать, то его должно принять и в прочих корпусах»²².

При наличии «центрального» учебного заведения, по мысли Жомини, «преподавание в кадетских, Военно-сиротском и Пажеском корпусах ограничивалось бы двумя первыми степенями и заключало в сём именно: 1) Закон Божий; 2) языки; 3) арифметику и алгебру; 4) начальную геометрию; 5) чистописание; 6) географию и статистику; 7) историю; 8) рисование; 9) риторику; 10) тактику различных родов войск; 11) полевую фортификацию и основания долговременной фортификации. Воспитанники, отличившиеся в начальной математике, были бы переводимы в политехническую школу»²³.

Конкретизируя эту программу, Жомини разделял занятия в начальных училищах на шесть классов, по возрастам воспитанников. «В шестом классе или классе начинающих, — писал он, — будет преподаваться: первоначальное

¹⁹ Там же, л. 94 об.—95.

²⁰ Там же, л. 88.

²¹ Там же, л. 89. Во втором письме Жомини вновь вернулся к этой мысли: «В случае, когда политехническая школа будет отвергнута, определить, чтобы третья степень преподавания, то есть высшие науки точные, были преподаваемы единственно в частных училищах Артиллерийском, Инженерном и Морском. Но чтобы для сего воспитанники кадетских и сиротских корпусов обеих столиц, кои покажут наклонность к сим наукам, были переводимы в сии частные училища» (Там же, л. 94 об.).

²² Там же, л. 95 об.

²³ Там же, л. 88 об.

познание языков, Закона Божия, арифметики до состояния количеств, чистописания. В пятом классе будут обучаться: языкам, синтаксису, чистописанию, арифметике до кубичных и квадратных чисел и корней, географии, рисованию. В четвёртом будут преподаваться: языки, начальные правила сочинений, начальные основания алгебры и геометрии, география физическая, древняя история, рисование, чистописание. В третьем будут продолжать: языки и сочинения, алгебру и геометрию, географию статистическую, историю среднюю, тактику (малую), манёвры по уставу, рисование. Во втором продолжать языки, риторику, математику конического сечения, географию статистическую и политическую, новейшую историю, тактику войны, полевую службу целой дивизии, рисование, верховую езду, фехтование. В первом классе продолжать: логику до философии, основания тригонометрии, топографии и черчения планов, продолжение географии, политическую экономию, тактику и военную историю, полевую фортификацию, основания долговременной фортификации, рисование, верховую езду и фехтование. В Пажеском корпусе можно прибавить основания физики и химии, ибо пажи не будут переходить в политехническую школу». При этом предусматривалось, что «воспитанники трёх первых классов могут переходить по экзамену в частные (т.е. отдельные. — П.Ш.) училища или политехническую школу, когда окажутся в них способности к точным наукам»²⁴.

Наряду с точными науками не менее важными для военно-учебных заведений предметами Жомини считал военное искусство и историю, полагая, что именно для их правильной постановки император и «соизволил назначить» его в комитет²⁵. «Мне кажется, — отмечал барон, — что военное искусство, то есть часть преподавания, долженствующая служить для образования генералов и состоящая в доказательстве основных начал и применении оных к военной истории новейших времён, пренебрежена во многих корпусах. Программа Инженерного училища приличнее всего для тактики, а Артиллерийского для стратегии, в прочих остаётся желать многого». Углублённое преподавание военного искусства Жомини рекомендовал сосредоточить в «центральной училище», однако допускал, что императору будет «угодно, чтобы начальные основания сих наук были преподаваемы и в корпусах»²⁶.

Одной из главных проблем Жомини считал подбор преподавательского состава. «Если бы для составления курса требовалась только программа, то ничего не было совершеннее воспитания кадетских корпусов; — писал он, стараясь не задевать самолюбия коллег. — Я не знаю, в каком оно состоянии, но если верить общему гласу, то есть разница между тем, что оно обещает, и тем, что оно есть». Чтобы хоть как-то улучшить ситуацию, предлагалось «распределить профессоров на три класса и давать постепенное жалование». Так, следовало «для каждого класса назначить две цены жалованья, например: профессеры 1 класса в 5 и 6 тысяч рублей; 2 класса — в 4 и 5 тысяч; 3 класса — в 2 и 3 тысячи»²⁷. При этом тактично говорилось, «что комитет мог бы сделать насчёт сего предложения»²⁸.

²⁴ Там же, л. 95—95 об.

²⁵ Там же, л. 89.

²⁶ Там же, л. 89—89 об.

²⁷ Там же, л. 96.

²⁸ Там же, л. 89 об.—90.

Кроме того, Жомини признавал целесообразным после составления новых учебных планов «учредить комитет из 5 членов, на коих возложено бы было: 1) смотреть за преподаванием по начертанным правилам; 2) заставлять переводить целые или по частям классические иностранные сочинения, полезные для России, соглашая их с обстоятельствами страны. К сему комитету должно бы было прикомандировать двух офицеров для переводов с немецкого и двух для переводов с французского языков». Этот комитет, по мысли Жомини, стал бы «блюстителем и непосредственным руководителем военного воспитания». Соответственно «сей комитет будет назначать в то же время и новые книги, принятие коих почтено будет необходимым для преподавания: ибо наука делает успехи, и надо быть в состоянии следовать за нею в её усовершенствованиях». Он сможет «требовать от профессоров, дабы они сообщили свои тетради в том виде, в каком они имеют читаться в будущих курсах, дабы подвергнуть их рассмотрению вышеименованного комитета», а также «установить, чтобы рассмотрение производилось начальниками, заведывающими тою частью наук, то есть чтобы тетради полевой фортификации были одобряемы инженерным генералом; тетради же тактики — начальником училища стратегии»²⁹.

Излагая и уточняя свой проект, Жомини не исключал, что его идеи не встретят сочувствия в комитете: «Может быть, не все мнения будут на стороне моей мысли об основании центрального училища для высших наук точных; она покажется даже новостью, которой его императорское величество от нас не требовал. Я внутренне уверен, что это лучший способ развернуть самую главную часть преподавания; я думал, что нарушу доверенность, коей его императорское величество меня удостоил, колебаясь сообщить Вам о том, что мне казалось преподаванием самым приличным... В случае, когда предмет приложенной записи не будет принят в комитете, я прошу, дабы, сообразно с Высочайшим приказом от 19-го мая, моё мнение было присовокуплено к письменному донесению»³⁰.

Письма, отправленные Жомини Опперману 4 июля 1826 г., обсуждались в комитете 13 и 20 июля. Предложение взять за образец французскую Политехническую школу собравшиеся восприняли без энтузиазма. Директоров Главного инженерного и Артиллерийского училищ и Морского корпуса к тому же отнюдь не радовала перспектива их превращения в учебные заведения среднего уровня и уравнивания с кадетскими корпусами.

Начальник Главного инженерного училища генерал-лейтенант Е.К. Сиверс указывал на «явную и опытом нескольких лет доказанную пользу, высшими военно-учебными заведениями доставляемую»³¹. По его мнению, оба специальных училища следовало по-прежнему рассматривать как высшие, прибавив к ним, если император сочтёт нужным, и «центральное училище»³². Более того, он считал целесообразным уничтожить их малолетние классы и дополнительно принять на четыре года обучения юношей 14–16 лет. Доступ в военно-учебные заведения третьей ступени следовало предоставить только прошедшим курс низших степеней. Обеспечить нужное число воспитанников должно было учреждение новых кадетских корпусов в столицах и губернских городах³³.

²⁹ Там же, л. 90, 96–96 об.

³⁰ Там же, л. 97–97 об.

³¹ Там же, л. 98 об.–99.

³² Там же, д. 7, л. 15 об.

³³ Там же, д. 1, л. 100–102.

Таким образом, Сиверс предлагал полностью отделить высшее военное образование от среднего и отказаться от характерного для прежнего времени отсутствия чёткой грани между разными уровнями обучения. Директор Морского корпуса контр-адмирал И.Ф. Крузенштерн вообще настаивал на особенностях вверенного ему заведения от сухопутных училищ³⁴. В итоге комитет, констатируя сложность вопроса, так и не смог его решить и постановил отправить журналы заседаний и обсуждавшиеся на них письма на рассмотрение императора³⁵.

В августе и сентябре 1826 г. комитет регулярно заседал, однако о проекте Жомини его члены уже не говорили, ожидая Высочайшего разрешения возникших разногласий. Тем временем Генрих Вениаминович, оправившись от болезни, уехал в Москву для присутствия на коронации. Там он, по-видимому, и читал копии журналов, присланные по его просьбе Опперманом³⁶.

28 августа, через несколько дней после коронации, он вновь поделился с Опперманом своими размышлениями: «Решения, принятые в собрании комитета 20 июля... доказали мне, что различные системы, предложенные мною комитету, не были оценены надлежащим образом. Я не буду более говорить о центральной политехнической школе для преподавания высших точных наук; я боюсь, чтобы меня не обвинили в том, что я хочу вводить новости, и в рабском подражании всему тому, что я видел во Франции. Хотя я вполне уверен, что сие учреждение есть наилучшее, которое можно бы сделать, *но я разделяю и то мнение, что можно продолжать преподавание сих частей в училищах: Инженерном, Артиллерийском, Морском и Главного штаба...* И чтобы не делать разом слишком много перемен, я остановлюсь на сей последней системе». Соглашаясь тем самым с Сиверсом, Жомини только по-прежнему продолжал «доказывать, что должно непременно разделить заведение военного воспитания на два совершенно различные рода, то есть на *приготовительные и те, где будут делаться применение*», поскольку «без того снова впадут во все погрешности, которые до сих пор существовали»³⁷. Впрочем, это и не вызывало ни у кого серьёзных возражений.

Особое внимание Генрих Вениаминович уделил теперь положению тех учебных заведений, которые предназначались для «преподавания высших точных наук». «Если частное (т.е. отдельное. — П.Ш.) Артиллерийское училище не может доставлять 120 офицеров в год, — отмечал он, — то это происходит от его учреждения. Программы наук там весьма хороши, профессора удовлетворительны, а потому преподавание в порядке». Однако ему представлялась совершенно неприемлемой ситуация, при которой «*в частном Артиллерийском училище* будут образовывать сирот, готовить унтер-офицеров, преподавать арифметику, одним словом делать всё то, что до него касается, между тем как офицеры, которых оно образовывать должно, будут воспитываться в другом месте»³⁸. «Во Франции, — указывал Жомини, — Артиллерийская школа принимает из приготовительных заведений воспитанников, совершенно знающих точные науки. Она их подвергает только прохождению 12 курсов, которые продолжаются 1 или 2 года». Перечислив эти предметы, барон заключал:

³⁴ Там же, л. 115 об.

³⁵ Там же, л. 116 об.

³⁶ Там же, л. 135.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, л. 135 об.

«По крайней мере видно, что Артиллерийская школа достигает цели своего учреждения. У нас же, напротив того, образуют солдатских детей в частной школе; там находятся воспитанники нижних классов, которых надлежало бы отослать в первоначальную школу, дабы учить их арифметике». «Моё мнение то, — писал он, — чтобы отделить училище сирот и перевести его в другое жилище, назначив ей (так в тексте. — *П.Ш.*) особенного начальника, чтобы высшее Артиллерийское училище имело 250 или 300 воспитанников, из коих одна половина была бы офицерами, а другая — юнкерами (т.е. унтер-офицерами из дворян, ожидающими производства в офицеры. — *П.Ш.*). Чтобы воспитанники кадетских и Военно-сиротского корпусов были бы приготавливаемы, чтобы переходить во второй класс, а отличнейшие даже и в первый»³⁹.

В других военно-учебных заведениях намечались не менее существенные перемены. «Если Артиллерийское училище требует преобразований, — утверждал Жомини, — я полагаю, что для системы Пажеского корпуса она ещё более нужна». В частности, он обращал внимание на то, что «обязанность офицеров, командующих ротами, есть одна из важнейших для надзора за нравственностью воспитанников, она должна быть таковою и для наук», и «посему офицеры должны сами выдерживать экзамен», а «дабы иметь офицеров, могущих достойно служить в месте столь важном для воспитания молодого дворянства, надобно обеспечить их производство определённым числом мест, если в промежутках оных они окажут ревность и прилежание». «В теперешнем же их положении, — полагал барон, — невозможно, чтобы они хорошо служили»⁴⁰. В дальнейшем стимулировать усердие офицеров-преподавателей должны были не только служебные перспективы, но и достойное материальное вознаграждение.

«Сии офицеры, — писал Жомини, — будучи обыкновенно без состояния, но долженствующие быть с дарованиями и воспитанием, необходимо определить их жалование, которое дозволило бы им жить. Без того должно страшиться, чтобы они под тысячью предложениями не брали денег с родителей, или чтобы несчастное их положение не заставило не радеть о своей службе. Удобно бы было определить особенный штат от 1 000 до 1 500 рублей для 8 офицеров под-надзирателей (губернёров). 6 из оных командовали бы ротами, остальные два были бы инспектор и адъютант». Кроме того, «надлежит доставить профессорам сего корпуса... большее жалование, дабы иметь хороших», «сделать 6 классов, следуя программе, которую я доставил комитету, и прибавить к 2 высшим классам преподавание тактики»⁴¹.

Не говоря более о «Политехнической школе», Жомини всё же продолжал думать о некоем высшем центральном училище. «Я бы советовал, — делился он своими соображениями с Опперманом, — также учредить частную военную школу для образования офицеров Главного штаба и инженер-географов. Она бы состояла из 100 воспитанников, доставляющих 33-х выпускников ежегодно». По словам Жомини, «если Училище колонновожатых худо исполнило цель своего учреждения, то это не может служить причиной, чтобы привести в упадок часть, необходимую при совершенном недостатке достойных офицеров»⁴². Фактически барон писал о том, что станет впоследствии службой офицеров Генерального штаба. «Я напечатал 10 лет тому назад, — напоминал

³⁹ Там же, л. 135 об.—136 об.

⁴⁰ Там же, л. 137—137 об.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, л. 136—136 об.

он, — во введении к “Истории Революционных войн” проект Главного штаба, который, кажется, более всех удобен. Дабы применить сей проект к России, то, предполагая, что потребно 500 свитских офицеров во время войны, я бы учредил в мирное время комплект из 300 офицеров и пополнял бы их в военное время 200, взятыми из артиллерии, инженеров и отличных фронтовых офицеров. Что же касается до положительного комплекта, то 100 младших офицеров, то есть прапорщики, были бы употребляемы в канцеляриях и на съёмках; их бы посылали как свитских поручиков в армию на два года для командования ротами и снова возвращали бы в Главный штаб в чине штабс-капитанов... Если бояться поручить роты сим неопытным офицерам, то можно приучить их к тому же, заставляя служить прапорщиками в гвардейских полках во время зимних 4-х месяцев... Сии 300 офицеров будут избираемы из частной Военной школы, частию же из пажей. Если же Инженерное училище имело больше воспитанников, нежели как этого требует сей род службы, то оно бы также могло доставлять офицеров в Главный штаб в случае, если бы не доставало в Военной школе. Мысль, чтобы производить кадет в свитские офицеры, не может поддержать спора, приняв в уважение положение, в котором находится преподавание в корпусах. Из программ их видно было, что там не преподают даже тактики. Я потому тронул струну о Главном штабе, ибо предполагал, что об нём шла речь в совещаниях комитета 20 июля»⁴³. Таким образом, Жomini последовательно настаивал на необходимости высшего военного образования для службы «по квартирмейстерской части».

На одобрение своих взглядов Жomini не слишком рассчитывал, однако, видимо, всё же не терял надежды и упорно повторял то, что представлялось ему наиболее важным. «Собрание 20 июля хочет, кажется, решить отрицательно главные пункты, которые я представил комитету, без всяких даже совещаний насчёт моих предложений, — отмечал он. — Если не хотят принять за необходимость прочную систему, основанную на *приготовительных и частных школах*, то, признаюсь, я почту моё поручение почти оконченным, ибо я ничего не могу прибавить к тому, что я сказал: 1) о необходимости сего распределения преподавания; 2) об улучшении судьбы профессоров, дабы иметь право требовать от них ревностной и тщательной работы; 3) о нормальной школе; 4) о постоянном комитете из 5 членов для надсматривания за воспитанием во всех заведениях, дабы пересматривать курсы и не отставать от успехов, которые могут делать военные науки; 5) о принятии программы тактики, которую я предложил; 6) об издании курса истории, применённого в особенности к военным заведениям. Всякая последующая от меня работа будет основана на тех же правилах, и, как бы я не выдумывал, я не могу предложить иного»⁴⁴.

В конце сентября Жomini получил в Москве ответ Оппермана, сообщавшего: «Почтенное отношение ко мне Вашего превосходительства от 28 августа я долгом поставлю внести в наш комитет, когда последует разрешение на известные Вам последние журналы комитета». При этом Опперман уверял, что Жomini неверно понял итоги заседания 20 июля: предложенное бароном разделение военного образования на степени в целом было одобрено и обсуждалось только, как лучше обеспечить их преемственность. «Комитет не полагал докончать в кадетских корпусах обучение офицеров артиллерийских и квартирмейстерских, — заявлял председатель, — но предполагалось было, что

⁴³ Там же, л. 136 об.

⁴⁴ Там же, л. 136 об.—137.

кадетские корпуса, готовя кадет вообще для военной службы, будут включать в себя и приуготовительные училища для оных двух частей, ибо те и из кадет, которые окажут более других способностей к отличному обучению их для тех частей, и которые притом отличного поведения, могут получить совершенно достаточное предварительное приготовление в кадетских корпусах, когда они получат такую организацию, которой сие можно выполнить, а окончательное обучение, по мнению комитета, произведено быть может при частных школах, артиллерийской и вновь составляемой по квартирмейстерской части (т.е. будущей Военной академии Генерального штаба. — *П.Ш.*)»⁴⁵.

Сложно сказать, действительно ли Жомини, не знавший хорошо русского языка, неправильно истолковал журнал комитета, или его председатель пытался смягчить противоречие между членами. Возражения членов комитета были зафиксированы в журнале, однако в целом система Жомини, разумеется, не вызывала полного неприятия и с оговорками признавалась полезной, конечно же, в случае её одобрения императором.

Примерно в то же время, когда Жомини в Москве получил письмо Оппермана, в Комитет, заседавший в Петербурге, поступило отношение начальника Главного штаба генерал-адъютанта барона И.И. Дибича. «Соглашаясь с мнением генерала Жомини насчёт разделения учебных заведений, — указывалось в нём, — его императорскому величеству угодно, чтобы они состояли из перво-классных, второклассных и третьеклассных или высших, назначив в первое из сих трёх отделений имеющие быть сформированными губернские кадетские корпуса и военные училища Тамбовское и Тульское, во второе оба санкт-петербургские кадетские корпуса, Военно-сиротский, Пажеский и Московский, и наконец, в последнее Артиллерийское и Инженерное училища, Морской корпус и Политехническую школу или военную Академию, которую предполагается устроить впоследствии времени»⁴⁶.

Одновременно разрешался и частный вопрос об объёме преподавания артиллерийских и инженерных дисциплин. «Государь император изволил сделать замечание, — сообщал Дибич, — что есть существенная разность между теми знаниями артиллерии и фортификации, которые должны иметь все, готовящиеся к военной службе, и тем, что нужно для артиллерийского и инженерного офицеров, а потому и не должно сего смешивать при начертании курсов для каждого заведения. Мнение генерала Жомини о необходимых познаниях для первоначальных школ и о неудобности обучения офицеров в приуготовительных школах его величество совершенно одобряет и по сему полагает, если отличнейшие воспитанники корпусов по производстве в офицеры изъявят желание выйти в инженеры и артиллерию и продолжать курс высших наук, то перевести таких на общих правилах в Инженерное и Артиллерийское училища». Вместе с тем император выражал благодарность всем членам комитета, никого из них не выделял и предписывал продолжать работу⁴⁷.

И хотя Жомини мог быть удовлетворён достигнутым результатом, дальнейшее развитие его проекта фактически продолжалось уже без его участия. По возвращении из Москвы он до конца 1826 г. редко появлялся на заседаниях комитета, ссылаясь на плохое здоровье, а в 1827 г. вовсе перестал их посещать,

⁴⁵ Там же, л. 138.

⁴⁶ Там же, д. 8, л. 4 об.

⁴⁷ Там же, л. 4–5, 18.

надолго уехав во Францию⁴⁸. Император, занятый международными делами, не торопил занятия Комитета о военно-учебных заведениях, которые проходили теперь хотя и регулярно, но реже. По окончании русско-турецкой войны, в октябре 1829 г. Жомини был назначен председателем комиссии, созданной для разработки проекта устройства Военной академии и составления её Устава, утверждённого императором 1 октября 1830 г.⁴⁹ Между тем ещё в апреле того же года Николай I одобрил Устав и Общие положения для военно-учебных заведений второго класса, составленные комитетом Оппермана на основе проекта Жомини⁵⁰.

Проект Г.В. Жомини, вышедший за рамки решения задачи, первоначально поставленной перед комитетом К.И. Оппермана, подразумевал создание в России структурированной системы военно-учебных заведений. В нём последовательно воплощался принцип унификации — вообще характерный для политики Николая I в сфере образования, — и намечалась чёткая дифференциация военного обучения по степеням и специальностям. Согласно его замыслу, оно должно было представлять собой своего рода лестницу, исключавшую пропуск какой-либо промежуточной ступени. В значительной своей части, несмотря на неизбежные трения при адаптации военной науки на практике, этот проект лёг в основу реорганизации военного образования, начатой в конце 1820-х гг.

⁴⁸ *Барметтлер Р.* Жомини и русско-турецкая война 1828–1829 гг.: фрагмент биографии // Русский сборник. Т. 7. М., 2009. С. 39.

⁴⁹ ПСЗ-II. Т. 5. Отд. 2. СПб., 1831. № 3975. Помимо Жомини в состав комиссии входили генерал-лейтенанты А.И. Нейдгардт, П.П. Сухтелен и И.И. Хатов и генерал-майор Ф.Ф. Шуберт. Подробнее о её деятельности см.: *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. С. 4–22.

⁵⁰ ПСЗ-II. Т. 5. Отд. 1. СПб., 1831. № 3598, 3615, 3672.